



С. АДРИАНОВ

Примечание к переписке П. Я. Чаадаева

В течение ряда десятилетий, согласно с традицией, установленной Герценом, у нас рисовали фигуру Чаадаева по схемам либеральной маринографии. Только сравнительно недавно работы П. Н. Милюкова и затем М. Гершензона выяснили теснейшую связь умоначертания этого своеобразного мыслителя с идеями французских клерикальных и реставрационных кругов первой четверти XIX в. Влияние Жозефа де Местра и, особенно, Бональда на Чаадаева не подлежит теперь сомнению. Последующими строками я хочу указать еще на несколько фактических деталей, доселе не отмеченных в научной литературе, но имеющих некоторое значение для выяснения политических и религиозных вкусов Чаадаева.

В 1835 г. Чаадаев пишет, между прочим, А. И. Тургеневу: «Я получил брошюру д'Экштейна. Прошу Вас сказать ему, что я весьма тронут этим актом вежливости, вполне философской, и немедленно напишу ему. Вы никогда мне не говорите об этом человеке, который так долго был лучшим из друзей. Это очень нехорошо с Вашей стороны».

Кто такой этот «лучший из друзей» Чаадаева? Фигура весьма определенная. Родом из Копенгагена или Альтоны, Фердинанд Экштейн шестнадцатилетним юношей попал в Рим и там принял католичество. В 1813—1814 гг. Экштейн служил в войсках, сражавшихся против Наполеона, затем, поступив на бельгийскую службу, был назначен губернатором Ганда. Здесь в 1815 г. он принимает Людовика XVIII, бежавшего сюда во время Ста дней и, снискав особое расположение своего высокого гостя, после Ватерлоо перешел к нему на службу. Вознагражденный за помощь в трудную минуту хорошими административными должностями и баронским титулом, Экштейн принял весьма активное участие в ультрароялистских органах, горячо

отстаивая идеи правоверного католицизма и политической реакции. Даже после переворота 1830 г. барон остался верным легитимизму и непримиримым врагом Орлеанской буржуазной монархии. Чаадаев мог познакомиться и сдружиться с Экштейном еще в 1813 г., когда оба они участвовали одновременно в некоторых сражениях, например под Люценом, но возможно, что их знакомство завязалось или возобновилось в 1823—1824 гг., во время пребывания Чаадаева в Париже¹. Если бы последняя догадка подтвердилась, то ярко, хотя и в одной только своей части, осветился бы один из темных пунктов в биографии Чаадаева — вопрос о том, в каких кругах вращался наш философ во время своих заграничных скитаний, когда вырабатывалось и складывалось его мировоззрение.

Далее, мы знаем, что Чаадаев был в переписке с Сиркуром и даже принимал его у себя, когда Сиркур посетил Москву. Имя графа Анна-Мари-Жозефа-Альбера де Сиркура² ведет нас в ту же самую среду, что и имя Экштейна: горячий приверженец Бурбонов, он в 1830 г. оставил службу во французском военном флоте и все силы посвятил, в качестве публициста, борьбе против орлеанского режима. В тех же сферах вращался и маркиз Адольф де Кюстин, который тоже был гостем Чаадаева в Москве, а затем даже написал нечто сочувственное о нашем мыслителе. Отец и дед маркиза Кюстина погибли на эшафоте во время Конвента, и этот факт наложил неизгладимую печать на весь образ мыслей маркиза. Идеи свои он проводил в беллетристических сочинениях и в описаниях своих путешествий, а один четырехтомный роман «Ромуальд, или Призвание» посвятил специально борьбе с религиозным неверием³.

В связи с этими непосредственными соприкосновениями Чаадаева с представителями французского католического легитимизма приобретают показательное значение и некоторые другие литературные симпатии Чаадаева. Вот, например, еще одно место из цитированного уже выше письма его к А. И. Тургеневу: «Вы перестали говорить мне о г. Балланше. Знаете ли вы, что я построил целую философию на моих симпатиях? Однако, признаюсь вам, что я был очень удивлен тем суждением, которое он выразил о моем писании; конечно, неисправность экземпляра, который был у него в руках, могла бы заставить меня это предвидеть. Как бы то ни было, но в интересах философии Вам не следовало бы допускать разрыва отношений, которые Вы сами помогли завязать. А вот еще человек, с которым я охотно вошел бы в соприкосновение: это г. де Женуд. В душе этого священника есть настоящая жизнь. Он не смотрит со сло-

женными руками на то, что творится в мире, он стучится во все двери, он повсюду со своим Христом. Таков и есть истинный католический философ» и т. д.

Кто эти люди, столь привлекающие Чаадаева и столь им чтимые? Пьер-Симон Балланш — мистический философ, друг м-м Рекамье, убежденный и горячий поклонник Реставрации, в которой он видит синтез принципов авторитета и свободы, божественных установлений и демократии. Реставрация, по его мнению, есть единственный строй, который обеспечивает человечеству мирный прогресс. События 1830 г. нанесли тяжелый удар верованиям Балланша, — удар, от которого он не мог оправиться до конца своей жизни. Антуан-Ежен Женуд, сначала офицер, сподвижник Полиньяка, затем публицист и наконец аббат, всю жизнь служил то шпагой, то пером династии Бурбонов и ультрамонтанскому католицизму. Как политический писатель, он занимает одно из первых мест среди роялистов чистой воды. Сам Людовик XVIII называл его «доблестным рыцарем трона и алтаря». Июльская революция не сломила убеждений Женуда, и до смерти он оставался все тем же доблестным бойцом за легитимизм, хотя и разошелся несколько со старыми его вождями: он пропагандировал идею всеобщего голосования, надеясь, что оно даст победу Бурбонам, а главы партии не могли разделять его надежды и видели в ней недопустимый для консерватора демократизм.

Весьма интересовался также Чаадаев личностью и писаниями аббата Лакордэра. Жан-Батист-Анри Лакордэр — одна из типичных фигур эпохи Реставрации и Орлеанской монархии. Сын члена Конвента и вольтерьянца, сам сначала вольтерьянец и адвокат, он рано променял тогу юриста на сутану патера и в 1830 г. примкнул к Ламеннэ, который как раз тогда перешел от реакционных идеалов к борьбе за союз католицизма с политической свободой и демократизмом. Осуждение, высказанное новым идеям Ламеннэ с высоты папского престола, перепугало Лакордэра: он поспешил покаяться, был обласкан в Риме и занял видный пост проповедника в соборе Парижской Богоматери — как кажется, не без протекции своей духовной дочери, нашей соотечественницы Свечиной. Колоссальный успех проповедей Лакордэра, главным образом на этические темы, не спас его от недоразумений с французскими церковными властями. Тогда он резко отвернулся от галликанства и проникся ультрамонтанскими идеями⁴. Желая освободиться от местной епископской власти и стать в непосредственное подчинение святейшему престолу, Лакордэр надел доминиканскую белую рясу и

принял на себя миссию восстановить во Франции доминиканские монастыри. В 1848 г. он еще раз переменял фронт и оказался на крайних левых скамьях Национального собрания. Восстановление Империи встретило со стороны Лакордэра суровое осуждение. По-видимому, и к этому блестящему проповеднику Чаадаева привлекали не столько его неустойчивые общественные взгляды, сколько ясно выраженные католические ультрамонтанские тенденции.

Вот все сколько-нибудь характерные имена, встречающиеся в дошедших до нас обрывках из переписки Чаадаева. Я обошел молчанием упоминания только о таких лицах, которые могли интересовать нашего философа лишь как ученые, ибо ничего яркого в смысле политическом или религиозном в их сочинениях нет. Таковы Сен-Марк Жирарден, Филарет Шаль и т. п., хотя любопытно, что из них ни один не был поборником политического свободолюбия. Об интересе Чаадаева к тем французским мыслителям и писателям, на изучении которых росло наше радикальное западничество, или хотя бы даже о знакомстве его с ними у нас нет решительно никаких свидетельств. Наоборот, приведенные мною справки вполне определенно очерчивают прямо противоположный круг связей и интересов Чаадаева.

Быть может, эти справки окажутся не лишним материалом при полной реконструкции духовного облика того, кто считается родоначальником нашего западничества.

